

Культура. — 1994. — Весн. — С. 8.

Лина
МкртчянИСПОВЕДЬ
ОДИНОКОГО ГОЛОСА

В мае этого года Лина Мкртчян пела в Карнеги холл, в Нью-Йорке. Тому предшествовал концерт в Москве, в Большом зале консерватории (в сопровождении оркестра «Новой оперы» под управлением Евгения Колобова); предстоят выступления в Париже и в Ереване. Они проводятся по инициативе артистического агентства «Ардани» в рамках международной обществен-

но-культурной акции «Прерванный звон» и посвящены памяти жертв землетрясения 1988 года. Но акция эта имеет более широкий смысл: она посвящена танке и жертвам геноцида армян — горю народному, выраженному в словах бессмертного стиха Григора Нарекаци: «Я среди тех, чья песнь — лишь неумолчный плач». (Перевод мой. — В. М.).

Итак, известная певица пела в Карнеги холл, как она пела в Ватикане, снискав признание и восхищение папы Иоанна Павла II. Об этом говорят, иногда пишут, однако рядовой российский любитель музыки в недоумении: имя Лины Мкртчян известно, но кто слышал ее голос? Где продаются ее пластинки? Неужели она поет только за границей, пренебрегая отечественными концертными залами?

Однако Лина Мкртчян куда не уезжала и уезжать не собирается. Откровенно говоря, у нее и гастролей-то за рубежом не бывает. Выступление Лины в Карнеги холл было благодарительным, как, впрочем, едва ли не все другие ее концерты. Но даже по поводу них появлялись иногда весьма недоброжелательные заметки в прессе. Лина не пользуется симпатией музыкального истеблишмента и критиков, обслуживающих этот истеблишмент.

Что же такое делает Лина Мкртчян, когда она поет? Что восхищает ее почитателей и приводит в негодование ее немногих, но влиятельных противников?..

Знаменитая «Мелодия» из оперы Глюка «Орфей и Эвридика». Она написана для флейты. Лина поет ее. Без слов, ничего, кроме голоса, но голос сам будто превращается в слово, означает нечто насущное, нечто понятное каждой человеческой душе. Недаром эту мелодию называют жалобой Эвридики. Так человеческая душа оплакивает свою разлуку с Творцом, и, возможно, этот плач лежит в основе всякого искусства.

Эвридика — языческая Ева, которой не на что надеяться в языческом аду. Однако Лина поет и Грига, и ее Сольвейг — сестра Эвридики, торжествую-

щая в самой своей скорби. Кто такой Пер Гюнт, если не заблудший Орфей, изменивший своему призванию художника? Сольвейг — Эвридика, которая выводит своего незадачливого Орфея из ада. Она совершает подвиг, неудавшийся ему самому. Брошенная своим возлюбленным, она всю жизнь благодарит его... за свою любовь: «Ты песней дивной сделал жизнь мою!». Эту дивную песню никто в мире не поет, как поет ее Лина.

Она же поет и Кармен из бессмертной оперы Бизе, и опять-таки ее трактовка этой роли головокружительно своеобразна. Ее Кармен — не дерзкая жрица свободной любви, это небожительница любви, как сказала бы Марина Цветаева. Лина поет не только Бизе, не только Мериме: она поет русскую Кармен серебряного века, Кармен Блока.

Еще один любопытный вопрос: почему певица, кажется, созданная Богом для оперной сцены, никогда не поет в опере? Вариант ответа, или, если хотите, гипотеза, к сожалению, довольно обоснованная: современные режиссеры и дирижеры отвыкли от крупных, непредсказуемых индивидуальностей на оперной сцене, больше того, подсознательно боятся их. Тоталитарные тенденции эпохи оказываются и в том, что дирижер нередко начинает подменять собой композитора и хочет быть всемогущим в тот момент, когда он дирижирует. Так что ему нужны не исполнители, а музыкальные инструменты, послушные его замыслу. Таким путем достигаются иногда грандиозные эффекты, но не обходится и без потерь: в оперном зале восторженно режут назлектризованные меломаны, но почти никто уже не плачет. А на кон-

цертах Лины архаически льются слезы, над которыми глумятся бездарные рецензенты.

Эта певица — сама себе режиссер и дирижер. Вместе со своим неизменным концертмейстером — пианистом и органистом Евгением Талисманом, она за двенадцать лет подготовила сорок музыкальных монографий, или историй, как она их называет. Из них на пластинку записана только одна: романсы П. И. Чайковского. Во всех этих историях обнаруживается самобытность творческого мышления певицы. Стоит вспомнить, с каким мастерством поет она «Magnificat» Владимира Мартынова, произведение современного русского композитора, строго выдержанное в традициях западной духовной музыки. В этом исполнении раскрывается тайна Лины, вызывающая столь откровенную неприязнь ее недоброжелателей. Дело в том, что Лина — певица русская по преимуществу, тем более русская, ибо речь идет не о происхождении, а о вере, об уповании и в конце концов о вокальной школе, о традиции, которой Лина принадлежит.

Лина выявляет именно мировое значение русского искусства. Она — верная ученица Полины Львовны Троицкой, последней, может быть, представительницы русской вокальной школы.

Лина — прежде всего церковная певчая. Ее сформировала как певицу православная литургия, и она выявляет литургическое начало в мировой музыке, порожденной этим началом. Попечением протоиерея отца Лазаря Новокрещеных Лина проведет в сентябре в Саратове занятия с певчими церковных хоров. Подобных занятий не проводил еще никто — это будет исключение.

Певица оказалась в самом средоточии трагических процессов, обуревающих искусство в современном мире. Преобладающей тенденцией западной музыки является инструментализация человеческого голоса, подчинение его задачам технической виртуозности вплоть до полного исчезновения в совершенной, но бесчеловечной гармонии. Напротив, характерной особенностью русской музыки, так сказать, ее сокровенной сердцевиной остается вокализация музыкального инструмента и с ним всего мира.

Православное богослужение немислимо без исповеди, а голос именно для нее и предназначен. Словам не дано выразить глубину человеческого падения, в котором кается, которое оплакивает голос. Именно таким голосом наделена Лина, именно поэтому она остается духовной певицей даже тогда, когда поет мирскую музыку. Она поет не ноты, а самое музыку, создавая ее в присутствии и при участии слушателей. О милосердии взывает ее голос.

Владимир
МИКУШЕВИЧ.